Огонь, вода... и «гордиев узел» медных труб

Часть 1

ПОЖАРНАЯ ОХ А
МЧС РОС И

«A la guerre comme a la guerre»

на войне как на войне (фр.)

Будем жить!

... и работать

– Сергей Кужугетович, система РСЧС этим летом подверглась достаточно серьезному испытанию. Вы как руководитель министерства, которое является координатором этой системы, как оцениваете ее эффективность, уровень взаимодействия всех ее составляющих?

– Если говорить об этой крупнейшей чрезвычайной ситуации, то я бы сравнил, ее, если хотите, с войной. Такая вот война со стихией. И в этой войне, как и на любой другой, были победители и побежденные, были предатели, диверсанты, были и те, кто бежал с поля боя… Было все. Поэтому в этой войне с огнем вся российская система предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях была задействована практически полностью.

39 пожарных поездов курсировали из края в край и отсекали пламя на разных направлениях. Были задействованы военные структуры со своей трубопроводной и инженерной техникой. Если говорить только о нашем министерстве, то личный состав федеральной противопожарной службы – 250 000 человек, из них 124 000 (то есть ровно половина) принимали непосредственное участие в ликвидации этой чрезвычайной ситуации. Вторую половину мы должны были оставить на охрану городов и населенных пунктов. Мы подняли все летающие беспилотные аппараты, которые есть в том или ином регионе. И у нас бывали дни, когда их летало одновременно до 30 штук. Всем этим необходимо было соответственно управлять, потому что, с одной стороны, при одновременной работе большой авиации и беспилотных аппаратов это в том числе и опасно.

Но вот на эту раскрутку всего механизма РСЧС потребовалось, по нашим подсчетам, около трех (!) суток.

– Это много или мало, чтобы «поднять» всю ту махину, что называется РСЧС?

– Много. В самом начале, я считаю, мы должны были получить от Агентства лесного хозяйства тревожную информацию о том, что ситуация с пожарами вышла из-под контроля, где-нибудь дней на 5, на 7 раньше, чем мы ее полу-

чили. Раз уж мы сравниваем нынешнюю ЧС с боевыми действиями, то должны помнить хотя бы из истории, как часто именно своевременные и точные разведданные помогали выиграть сражение. Более того, сохранить людские жизни, сэкономить силы и средства.

Так и здесь. Основная задача при борьбе с лесными пожарами особенно в такой аномально жаркий, а значит, очевидно опасный с этой точки зрения период – это своевременная разведка, очень быстрое обнаружение и тушение возникающих очагов. С этой задачей, например, эффективно справились в Татарстане. Там организовали постоянную, практически круглосуточную разведку. И при возникновении очагов туда немедленно направлялись силы и уничтожали огонь. В результате даже когда в день возникало до 200 очагов, все эти 200 очагов подавляли в течение суток. Хотя, должен честно отметить, и во многих других регионах возникающие пожары успевали тушить в день их возникновения.

А вот тогда, когда ситуация выходит из-под контроля, это значит – недоразведано, значит – недосмотрено, поэтому пожары принимали такие масштабы, при которых уже необходимо было подключать огромные силы. А те силы, которые были в распоряжении Агентства лесного хозяйства – в лесах, в заповедниках, в руководстве этих заповедников, – их, конечно, в этой ситуации оказалось недостаточно. Тогда, понятно, уже никто не стал разбираться, и это абсолютно правильно, чья это зона ответственности, потому что было очевидно, что впрягаться и работать надо всем. Вот потому-то я считаю, что основная причина такого развития ситуации – несвоевременное ограничение очагов пожаров и довольно слабая разведка.

– Сергей Кужугетович, огонь (особенно если мы говорим о лесных пожарах) – субстанция сложно предсказуемая, более того – весьма активно эволюционирующая. Мы говорим об изначальной потере контроля над ситуацией. Все, упустили начало, не «задавили» сразу»...

– Ну, а дальше, естественно, последствия. Когда вначале идет низовой по-

жар, при возникновении ветра, при его усилении до 15–20 метров в секунду, низовой пожар мгновенно переходит в верховой. И тут, конечно, уже нужны более серьезные меры, которыми являются и встречные палы, и, конечно, применение авиации. Одной из лучших заградительных мер является вырубка просек до 400–500 м шириной. И нам приходилось все это делать. Пожары подходили к опасным объектам, мы подгоняли огромное количество инженерной техники, которая занималась этими самыми просеками и дальше охраной населенных пунктов.

Работали действительно и днем, и ночью. Более 4000 населенных пунктов стояли в окружении огня. Было, когда за сутки мы эвакуировали до 7000 человек. То есть подошел пожар – для того, чтобы люди не погибли, мы эвакуировали целые населенные пункты, отстояв их – возвращали людей обратно.

Я еще и еще раз говорю: это не наша функция – тушение лесных пожаров. Нас в Лесном кодексе вы не найдете нигде. Ни одного упоминания про нас. В 131-м федеральном законе тоже не найдете ни одного упоминания, что МЧС отвечает за тушение лесных пожаров. Но, естественно, мы как федеральное ведомство готовы отвечать за безопасность людей на территории нашей страны, и мы не стояли и не будем стоять в стороне, если подобная ситуация возникнет.

– А как же заповедники? Там практически нет населенных пунктов, да и потенциально опасных объектов не может быть по определению. Тем не менее на их тушение были брошены очень серьезные силы и средства.

– Я уже говорил, что в столь масштабной ЧС не до дележа зон ответственности. Да, мы вынуждены были вводить туда силы. Силы большие. И, вы знаете, перед нами часто стояла дилемма: снимать оттуда силы и направлять на защиту опасных объектов, населенных пунктов? Но жизни человеческие дороже любого леса, любого заповедника. Спасибо коллегам из Министерства обороны, которые достаточно оперативно перебрасывали инженеров и техников. Потому что с теми пожарами, которые были в заповедниках, дело обстояло, ох, как непросто. Ну, представьте себе – заповедник, там долгие-долгие годы за счет упавшей хвои и листвы, особенно хвои, образовалась подстилка, до метра толщиной, и все это пересохшее. И вот этот «матрас», когда попадала искра, прогорал хуже торфа… Сложная ситуация.

– Сергей Кужугетович, чего стоили стране эти пожары? Я не говорю сейчас не только и не столько о финансовых потерях. Хотя некий порядок цифр, наверное, уже можно прикинуть?

– Вы знаете, то, что касается площадей под пожарами, это предстоит еще посчитать, и, в общем, это не совсем в нашей компетенции. Это, скорее, к Агентству лесного хозяйства и Министерству природных ресурсов. А то, что касается тех затрат, которые на сегодняшний день существуют… Могу сказать, что затраты на преодоление этих пожаров, суммируя средства, которые выделены на строительство жилья пострадавшим, средства, которые понадобились для привлечения дополнительных ресурсов: топливо, другие расходные материалы, – где-то в пределах 12 миллиардов рублей. К этому, я думаю, следует добавить те леса, которые пострадали и которые, на мой взгляд, судя по тому, что сейчас происходило, будут списаны. Потому что в отличие от просто пожаров, вряд ли тот лес, который ТАК горел, применим в дальнейшем. Хотя, может быть, я слишком категоричен в своей оценке. Это все еще предстоит посчитать.

Но гораздо важнее, я думаю (эту цифру мы сможем назвать чуть позже), это те меры, которые нам предстоит предпринять и по линии Агентства лесного хозяйства, и по линии Министерства природных ресурсов, и по линии местных властей, чтобы подобные ситуации не повторялись. Чтобы те функции, которые возложены в соответствии с законодательством, с Лесным кодексом на местную власть, на Агентство лесного хозяйства, на руководство заповедников, могли выполняться в полном объеме. Чтобы конкурсы были реальными конкурсами, чтобы победители были победителями. Действительно победителями, а не псевдопобедителями, и не псевдоконкурсы. Потому что по-разному можно проводить конкурс – лишь бы провести его и отчитаться или проводить конкурс так, чтобы от него был толк, чтобы он был результативным.

– Сделав свою работу и потушив пожары, МЧС передает территории собственникам. Не обидно, да и не страшно ли отдавать все это вновь в руки тем, кто допустил подобное?

– Мы настойчиво требуем от наших оперативных групп, которые находятся на местах, и от штабов, которые дислоцируются на наиболее опасных направлениях, квалифицированной передачи потушенных территорий тем, кто должен отвечать за их пожарную безопасность. Это – Агентство лесного хозяйства и руководство заповедников. Что я подразумеваю под словом «квалифицированная»? Чтобы там действительно были силы, которым можно это передать, чтоб это были люди, которые действительно будут патрулировать территории. У них для этого будет техника, у них для этого будут необходимые средства для своевременного обнаружения возникающих очагов. Если мы потушили и ушли, так сказать, не оглядываясь, я считаю, что это будет не по-государственному и не «по-чрезвычайному».

– Чтобы быть уверенным в этом, какие меры вы предлагаете предпринять, дабы не допустить подобной ситуации в будущем?

– Во-первых, мы предлагаем, чтобы службы лесников и лесничества были оснащены современной техникой, позволяющей в первую очередь проводить круглосуточный мониторинг в пожароопасный период и своевременно тушить все мелкие очаги, чтобы они не разрастались в крупные. Второе – это создание, наверное, уже под федеральным крылом, подразделений на особо опасных направлениях, там, где требуется серьезная инженерная, трубопроводная, насосная техника, машины, которые в состоянии делать просеки. Но – еще раз повторяю – на особо опасных направлениях, в особо опасных участках. Там, где есть угроза серьезным объектам – мы уже все эти вопросы проговорили с министерствами, – там будут создаваться специальные подразделения.

Теперь что касается заповедников. Повторюсь. Туда должны выделяться более серьезные средства, для того чтобы проводимые конкурсы между организациями на охрану заповедников и лесов от пожаров были конкурсами, и там побеждали действительно сильнейшие – те, кто в состоянии обеспечить безопасность. Я думаю, все эти меры будут предприняты, все эти предложения поддержаны. И сейчас мы будем основательно считать и максимально быстро все это организовывать совместно с Агентством лесного хозяйства и с Министерством природных ресурсов.

– Сергей Кужугетович, люди трудились круглые сутки, им наверняка необходима реабилитация. Будут ли они как-то поощрены, какие-то награды, премии?

– Да, безусловно. Мы подготовили запрос, и в Правительстве нас поддержали. Это касается не только наших сотрудников, это касается и наших коллег из МВД, Министерства обороны, из других ведомств. Не могу не сказать добрые слова в адрес военных. Они здорово помогли в ликвидации ЧС. Один из ярких примеров – участие подразделений железнодорожных войск в районе города Саров. Там военными железнодорожниками была прорублена и расчищена от деревьев и кустарников, а затем и пропахана противопожарная просека длиной 16 км и шириной 50 м.

Конечно, поощрим и наиболее отличившихся добровольцев. Постараемся никого не забыть и всем сказать спасибо. Естественно, после того, как мы завершим все работы, все это будет сделано. Если говорить о реабилитации, то, вы знаете, все это время я ездил по нашим подразделениям, смотрел. С одной стороны, конечно, рад, что все без исключения работали с таким, я бы сказал, азартом. Но тяжело. Тяжело. И, конечно, все эти ребята нуждаются в реабилитации, особенно те, кому пришлось работать в крайне вредной задымленной среде, как, например, на торфяниках. Кстати, Германия предложила нам свои возможности для проведения реабилитационных мероприятий.

– Раз уж заговорили на эту тему, буквально несколько слов о международной помощи…

– В международном содействии – а на помощь к нам, напомню, прибыли специалисты из целого ряда стран ближ-

него и дальнего зарубежья – упор, прежде всего, делался на предоставление высоких технологий для борьбы с пожарами. В нашу авиационную группировку включились украинские самолеты, вертолеты из Баку, пожарные самолеты из Италии. В тушении лесных пожаров участвовали вертолет из Беларуси, вертолет из Казахстана, французский самолет. На своем самолете «Боинг» прибыл отряд из Болгарии: сто самых лучших бойцов пожарной охраны, имеющих на вооружении самые современные средства борьбы с пожарами в лесах. Особо надо отметить отряд из Армении – это отряд, который привез к нам 4 высокотехнологичных пожарных комплекса.

Другой важный аспект международного сотрудничества – обмен опытом. Количество катастроф в мире растет, и подобные международные группировки, которые работали в России, являются перспективным средством снижения опасности и рисков.

Еще в 1993 году было подписано соглашение и создан корпус помощи СНГ. Вот почему были быстро мобилизованы и прибыли сюда соединения Украины, Азербайджана, Беларуси и Казахстана – потому что это структуры этого корпуса СНГ. Сегодня мы видим, насколько эти договоренности, подписанные в Минске еще в 1993 году, были нужны и насколько важны эти структуры, которые сейчас действуют. Вывод только один – их надо и дальше сохранять, развивать на основе высоких технологий.

– Вы упомянули еще о добровольцах. Министерство уже не в первый раз поднимает этот вопрос. Вплоть до подготовки закона о пожарном добровольчестве...

– Мы обратились с этим вопросом к президенту. Дмитрий Анатольевич нас поддержал. Мы подготовили проект закона. Надеемся в осеннюю сессию его уже внести на рассмотрение в Государственную Думу. Это закон о добровольной пожарной охране. Что происходит у наших коллег за рубежом? Расклад примерно один к четырем. То есть на одного профессионального пожарного там 4 добровольных пожарных. В Германии так, в Штатах, в Великобритании. Но это не те добровольцы в нашем понимании добровольной народной дружины. «Вот я сегодня в дружине, а завтра я уже сам по себе...». Это добровольцы, которые проходят обязательную подготовку, профессиональное обучение, которые обязательно имеют форму и все средства защиты. То есть подготовленные и обученные люди. Которые обязательно раз в 10 дней выходят на суточное дежурство.

В каждой стране по-своему поддерживается добровольчество. Скажем, в Соединенных Штатах эти люди освобождаются от социальных налогов. Например, от пенсионного налога. Если они отработали 15 лет в добровольной пожарной охране, они могут и имеют возможность за счет государства на 5 лет раньше уйти на пенсию. В других странах добровольные пожарные безвозмездно получают ежемесячно по 50 литров топлива, чтобы приезжать-уезжать на дежурство. Или имеют какие-то другие компенсации. Поэтому я очень боюсь, чтобы тот закон, который мы сейчас подготовили, особо «рачительные» хранители и борцы с разного рода льготами не выхолостили.

Мы хотим, чтобы у нас этот закон появился, чтобы у нас действительно появились люди, которые хотят работать в этой службе. Посмотрите, 10 лет назад мы начали такое движение – студенческие спасательные отряды. Сейчас у нас этих отрядов, по-моему, больше 6000 по стране. Это при том, что одни студенты выпускаются, уходят, другие студенты приходят им на смену. Это важная работа. Без добровольцев, я вам скажу, с такой территорией, как наша страна, с таким количеством населенных пунктов не справиться. Должны быть добровольцы. Мы должны найти возможность оснастить их легкой, проходимой, мобильной техникой. А техника эта может появиться тогда, когда у нас, действительно, заработает система страхования. По большей мере на Западе созданием самих частей – не набором людей, а приобретением техники, созданием этих частей занимаются страховые компании. Потому что им гораздо выгоднее создать такую часть в конкретном населенном пункте, нежели выплачивать огромные страховые суммы по страховым случаям от пожаров. А у нас, по самым оптимистичным расчетам, от пожаров застраховано всего 7% жилья. Ну, не может государство набрать такое количество средств, чтобы за счет федерального бюджета возмещать все потери. Поэтому нужны добровольцы.

И завершая наш разговор, вернусь к началу. Не только в девизе нашего ведомства на первом месте должно стоять слово «предупреждение». Только тогда различных бед и несчастий станет в разы меньше, и по масштабу, и по количеству. И сравнений с войной больше делать не будем...

Ирина Тарасова
Фото автора,
Владимира Смолякова,
Евгения Шестакова, Минобороны